

Санкт-Петербургский государственный университет

**У истоков университетского переводоведения в России:
Ф. Д. Батюшков (1857-1920)**

I. Как известно, Ф. Д. Батюшков, наряду с М. Горьким, К. И. Чуковским и Н. С. Гумилевым, стоял у истоков советского переводоведения. Однако этот известный факт иногда забывается: например, И. С. Алексеева в своем, впрочем, хорошо документированном «Введении в переводоведение» [1], в отличие от А. В. Федорова [44, С.94], не упоминает, к сожалению, издание «Принципов художественного перевода» 1920 г. [40] с двумя (!) статьями Ф. Д. Батюшкова.

Если подчас забывается участие Ф. Д. Батюшкова в важном переводческом манифесте издательства «Всемирная литература», каковым являются «Принципы художественного перевода», то еще гораздо менее известно становление взглядов Ф. Д. Батюшкова на проблемы перевода в 90-е годы XIX века, когда он служил приват-доцентом по кафедре истории западноевропейских литератур и лектором французского языка Императорского Санкт-Петербургского университета. Желанием восстановить историческую справедливость и продиктован наш небольшой этюд, посвященный некоторым аспектам жизни и научной деятельности этого талантливого ученика и на протяжении многих лет верного соратника академика А. Н. Веселовского.

Приведем сначала вкратце некоторые известные и малоизвестные факты из биографии Ф. Д. Батюшкова.

Прежде всего, считаем своим долгом еще раз напомнить, что во втором издании сборника «Принципы художественного перевода» 1920 г., вместе с посвященной скончавшемуся 19 марта 1929 г. Ф. Д. Батюшкову статьей С. Ф. Ольденбурга, неременного секретаря Академии наук и бывшего министра народного просвещения во Временном правительстве, были посмертно опубликованы 2 статьи Ф. Д. Батюшкова о переводе – «Задачи художественных переводов» и «Язык и стиль» [40, С.7-23]. Эти статьи представляют собой своеобразное научное завещание Ф. Д. Батюшкова, являвшегося в 1918-1920 гг. членом редакционной коллегии экспертов основанного М. Горьким издательства «Всемирная литература» при Народном комиссариате по Просвещению. Под редакцией и с предисловиями Ф. Д. Батюшкова вышли переводы классиков французской литературы как в основной библиотеке этого издательства (например, А. Лесаж «Хромой бес. Тюркаре», О. де Бальзак «Крестьяне» – 1920) [32; 2], так и в народной библиотеке (Вольтер «Кандид», «Повести» («О доб-

ром брамине», «Простяк [sic!]», «Колен и Жано»), «Белый бык» –1919, «Принцесса Вавилонская» – 1920) [25-28], продолжавшей традиции «Дешевой библиотеки» А. С. Суворина, в состав которой входили книги и небольшие брошюры, похожие по формату и оформлению на брошюры издательства «Всемирная литература». Активная работа пожилого Ф. Д. Батюшкова в издательстве М. Горького, несмотря на все бытовые лишения, была своего рода подвигом русского интеллигента во имя сохранения русской культуры в условиях революционного лихолетья.

Издательство «Всемирная литература» предполагало издать 1500 томов основной библиотеки (со средним размером тома около 20 печатных листов – 320 стр.) и около 2500 томов народной библиотеки (со средним размером тома 4 печатных листов – 64 стр.). Как писал М. Горький в предисловии к «Каталогу издательства «Всемирная литература», опубликованном на четырех языках (русском, французском, английском и немецком), «для того, чтобы приохотить к чтению людей малоразвитых, серия брошюр включает и произведения внешне-интересные, рассказы сложных фабул, рассказы для забавы, юмористику, исторические романы, романы приключений и т. д.» (Pour faire goûter la lecture aux gens d'une instruction insuffisante, la série des plaquettes comportera également des ouvrages présentant un intérêt purement extérieur, des récits à l'affabulation compliquée ou divertissante, des œuvres d'écrivains humoristes, des romans historiques, des romans d'aventures, etc. » [30, С.9, 15]. Начав с грандиозных замыслов, издательство «Всемирная литература» прекратило свое существование в конце 1924 г., выпустив в свет в общей сложности не 4000 томов, а всего немногим более 200 названий книг и брошюр, включая все серии, в том числе и новые – такие как «Новости иностранной литературы», «Детская литература», «Библиотека мировой литературы», «Мемуары французской революции» и «Культура Востока») [46, С.175-193; 29, С.97-112]. Несмотря на утопичность проекта в целом, носившего прежде всего ярко выраженный пропагандистский, идеологический характер, даже это, сравнительно небольшое, количество книг и брошюр в условиях того времени было огромным достижением.

В своем дневнике К. И. Чуковский так описывает под 28 октября 1918 г. одно из заседаний редколлегии издательства Всемирной литературы под председательством М. Горького, на котором присутствовал страдающий от голода и разрухи гражданской войны, как, впрочем, и другие члены редколлегии, Ф. Д. Батюшков: «Он [Горький] заботится только о народной библиотеке. Та основная, которую мы затеваем параллельно, – к ней он равнодушен. Сведения его поразительны. Кроме нас участвуют в заседании: проф. Ф. Д. Батюшков (полный рамоли, пришибленный), проф. Ф. А. Браун, поэт Гумилев (моя креатура), прив.-доц. А. Я. Левинсон – и Горький обнаруживает больше сведений, чем все они. Называют имя французского второстепен-

ного писателя, которого я никогда не слышал, профессора, как школьники, не выучившие урока, опускают глаза, а Горький говорит: – У этого автора есть такие-то и такие-то вещи... Эта вещь слабоватая, а вот эта (тут он просиявает) отличная... хóрошая вещь ...» [45, С.94].

Однако 20 марта 1920 г. К. И. Чуковский написал в своем дневнике совсем другие слова о своем коллеге по издательству: «Скончался Федор Дмитриевич Батюшков. В последнее время он б[ыл] очень плох. [...] Бедный, вежливый, благородный, деликатнейший, джентельменнейший из всей нашей коллегии. Я помню его почти молодым: он б[ыл] влюблен в Марию Карловну Куприну [первую жену А. И. Куприна, издательницу журнала «Мир Божий» – С. В.]. Та над ним трунила – и брала займы деньги для журнала «Мир Божий». (Батюшков б[ыл] членом редакции.) Он закладывал имения – и давал, давал, давал [...]» [45, С.141].

Такой же «образ рыцаря без страха и упрека» рисует нам в своей статье памяти Ф. Д. Батюшкова и С. Ф. Ольденбург [36].

II. Наша работа в санкт-петербургских архивах позволила нам дополнить некоторые биографические сведения о Ф. Д. Батюшкове, известные из справочной и мемуарной литературы [18, С.39-40; 32, Столб. 425-426; 34].

Федор Дмитриевич Батюшков родился 5 (17) сентября 1857 года в селе Кесьме Тверской губернии Весьегонского уезда в семье потомственного дворянина, помещика Дмитрия Николаевича Батюшкова, впоследствии тайного советника и губернатора ряда городов Российской империи (Подольска, потом Екатеринослава, и, наконец, Гродно) и Екатерины Федоровны Батюшковой, урожденной Озеровой [4, листы 108-117]. Согласно свидетельству из Тверской консистории на основании данных метрической книги [4, лист 12], Федор был крещен в православной вере 8 (20) сентября. Восприемниками при крещении были действительный статский советник Алексей Николаевич Дюклу, впоследствии первый управляющий Московской конторой Государственного банка Российской империи, имение которого находилось по соседству, и помещица Варвара Озерова. Федор приходился внучатым племянником поэту К. Н. Батюшкову.

Федор был вторым ребенком в семье и имел пять братьев [4, лист 109]: старший – Николай, в будущем известный экономист и предприниматель на Волге, компаньон своего шурина Н. В. Машкова, младшие – Алексей, Дмитрий, Юрий (Георгий), в будущем восточник и дипломат, служивший до революции в русском посольстве в Тегеране, и Василий – в дальнейшем инженер, участвовавший в составлении плана ГОЭРЛО [31, С.62-71].

Федор Батюшков учился в Казани, где его отец с 1866 г. служил управляющим Казанской контрольной палатой (до его перевода в 1879 г. в Санкт-Петербург в качестве управляющего Санкт-Петербургской Контрольной Палатой) [4, лист 109]. Закончив с переменными успехами, судя

по его аттестату зрелости [3, лист 2], 1-ю Казанскую классическую гимназию, Федор Батюшков поступил в 1875 г. в Санкт-Петербургский университет на физико-математический факультет [18, С.39], но в следующем 1876 г. перешел на 1 курс историко-филологического факультета, который закончил в 1880 г., и «по представлении диссертации» был «утвержден к» степени кандидата 3 февраля 1881 г., показав следующие знания на экзаменах: «в богословии, философии, русской словесности, всеобщей истории, славянской филологии, истории всеобщей литературы и французском языке – отличные, в римской словесности и русской истории – хорошие, в греческой словесности – достаточные» [4, лист 28].

С 1 февраля 1881 г. Ф. Д. Батюшков был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре истории всеобщей литературы, переименованной в дальнейшем в кафедру истории западноевропейских литератур. Под руководством проф. А. Н. Веселовского Ф. Д. Батюшков занимался изучением германских и романских языков, а также чтением и разбором памятников литературы. В 1882 г. Ф. Д. Батюшков получил командировку за границу, на свой счет, для занятий в германских университетах. Пробыл два семестра в Лейпциге, где слушал лекции по предметам романо-германской филологии у профессоров Царике, Эберта, Бругманна, Бадера, Бирх-Гиршфельда и др. По возвращении в Петербург Батюшков продолжал занятия под руководством проф. А. Н. Веселовского и готовился к магистерскому экзамену по другим предметам – по русской литературе, всеобщей истории и славянской филологии [5, лист 1].

Сдав в 1884-1885 академическом году экзамены на степень магистра, был допущен осенью 1885 г. к чтению пробных лекций для получения права преподавания в звании приват-доцента. Одна из пробных лекций – «Об исторической достоверности исландских саг» была им прочитана по назначению факультета, а другая – «Древнефранцузская диалектология» – по собственному выбору. В том же осеннем семестре 1885 года Ф. Д. Батюшков был утвержден в звании приват-доцента и приступил к чтению курса по истории провансальского языка и литературы (3 часа в неделю, из которых – 1 час практических занятий) [5, лист 1].

Осенью 1886 Батюшков заменял командированного за границу проф. А. Н. Веселовского и читал курсы истории французской средневековой литературы и сравнительной грамматики готского и старонемецкого языков [5, лист 1]. С 1886 г. Ф. Д. Батюшков стал преподавать также на Высших Женских Курсах, где он читал историю французской литературы и курс о Данте, сначала также заменяя А. Н. Веселовского во время его научной командировки за границу, а после ухода А. Н. Веселовского с Курсов в 1889 г., Батюшков занял его место на кафедре истории всеобщей литературы [42, С.49-50].

С 1 января 1888 г. Ф. Д. Батюшков был вторично командирован за границу (во Францию, Италию, Испанию и Англию) на полтора года (по 1 июля 1889 г.) для завершения работы над магистерской диссертацией «Спор души с телом в памятниках средневековой литературы», которую он успешно защитил в 1891 г. и был удостоен степени магистра истории всеобщей литературы [4, листы 127-127 оборот]. С тех пор Ф. Д. Батюшков в качестве штатного приват-доцента по кафедре романо-германской филологии читал лекции по готскому и старонемецкому языкам, по провансальскому языку и литературе, по введению в романскую филологию, по вульгарной латыни и старофранцузскому языку, по грамматике романских языков, по истории французской литературы, по испанскому и итальянскому языкам и литературам [35, С.14 (1890), С.30 (1890-1891), С.29 (1894); С.33, 36 (1895); С.34(1896), С.36 (1897, 1898), С.41(1897), С.30 (1899-1900)]. При этом в 1897 г. Батюшков отказался от вознаграждения за чтение лекций в пользу своего коллеги по романо-германскому отделению Ричарда Ланге [41, С.25-26 (1897)].

С 1 февраля 1895 г. Ф. Д. Батюшков был утвержден также в должности лектора французского языка. В конкурсе на эту должность, помимо Ф. Д. Батюшкова, участвовали преподаватель французского языка Царскосельской гимназии Поль Таккелля, автор известного в свое время «Французско-русского этимологического словаря» (СПб., 1893), старший преподаватель Училища Св. Петра (Петришуле) в Санкт-Петербурге Альфред Анспах и лектор французского языка Института путей сообщения, Артиллерийской Академии, Женских педагогических курсов и Института благородных девиц Фабьен Дорлиак. Батюшков прошел на эту должность на заседании Совета университета от 30 января 1895 г. практически единогласно – 26 голосами «за» при одном недействительном бюллетене [4, лист 26]. На этом посту Ф. Д. Батюшков сменил Жана Флери, скончавшегося 17 августа 1894 г. на летних каникулах во Франции, в нормандской деревушке Гревиль [23, С.3]. Батюшков был первым русским лектором французского языка, представлявшим в единственном числе, по сути, то университетское подразделение, которое, после всех реорганизаций, является ныне кафедрой французского языка филологического факультета СПбГУ.

В качестве лектора французского языка Ф. Д. Батюшков занимался с младшим курсом грамматикой на основе истории языка и переводом легких текстов (в частности, из «Lettres de mon Moulin» А. Доде), а со старшим курсом – историей французского романа с чтением и критическим разбором избранных отрывков (в частности, из Рабле, Бальзака, Флобера, Гюго, Шатобриана и т. д.); кроме того, «целиком отдельные произведения прочитывались слушателями, которые об них докладывали» [10, лист 2]. Как вспоминал Ф. Д. Батюшков, «чередовались поэты и прозаики, новей-

шие авторы и классики XVII в. Попробовал включить в круг чтения Рабле, но без успеха» [10, лист 2]. В связи с деятельностью лектора Ф. Д. Батюшков напечатал несколько статей, в частности большую интересную статью «О французском языке и его преподавании в университете» [8]. В этой статье Батюшков предостерегал против злоупотребления историческим методом, который, по его убеждению, должен дополняться синхронно-описательным исследованием языка (то, о чем потом будет говорить Ф. де Соссюр). «Чтобы знать французский язык, – писал русский ученый, – необходимо изучать его самого и так сказать в нем самом» [8, С.8].

В 1896 г. Ф. Д. Батюшков получил заграничную командировку с 1 апреля 1896 г. по 15 января 1897 г., «для собрания в книгохранилищах Франции и Италии материалов для предпринятого им труда по истории французского классицизма и его последующего влияния на развитие русской литературы» [4, лист 81]. В 1897 г., вернувшись к прежним занятиям в университете и на Высших женских курсах, Ф. Д. Батюшков примкнул к журналистике, приняв на себя редактирование русского отдела международного журнала «Космополис», которым заведовал четыре года [10, лист 2]. В августе 1899 г. Ф. Д. Батюшков уволился от должности лектора французского языка и от службы в университете, получив за выслугу лет чин надворного советника [4, лист 127 – оборот – 128].

В дальнейшем Ф. Д. Батюшков сотрудничал в различных журналах, состоял с января 1900 г. помощником редактора научного отдела Журнала Министерства Народного Просвещения [10, лист 2], с 1902 по 1906 гг. был редактором журнала «Мир Божий», являлся членом Литературного Театрального Комитета при Дирекции Императорских Театров, рассматривавшего представляемые в Дирекцию пьесы; принимал активное участие в деятельности Комитета Литературного фонда, в котором неоднократно занимал должность товарища председателя [34, т.5. Столб. 426]. После февральской революции 1917 г. был назначен управляющим бывшими императорскими театрами, должность, от которой он отказался после прихода к власти большевиков [24, С.242-243]. Как мы уже сказали, по предложению М. Горького Ф. Д. Батюшков работал с осени 1918 г. [45, С. 94] и до самой своей смерти 19 марта 1920 г. членом редколлегии издательства «Всемирная литература».

III.1. В нашей статье мы коснемся в основном становления взглядов Ф. Д. Батюшкова на художественный перевод в его ранних работах, написанных в 90-е годы XIX века, в то время, когда Ф. Д. Батюшков служил приват-доцентом по кафедре зарубежных литератур и лектором французского языка Императорского Санкт-Петербургского университета. По поручению Академии наук Батюшковым были написаны отзывы на русские переводы Мольера и Расина, представленные на соискание Пушкинской премии известным в свое время поэтом-переводчиком В. С. Лихаче-

вым и талантливым педагогом, директором знаменитой частной классической гимназии в Москве Л. И. Поливановым. В этих отзывах чувствуется влияние старших коллег Ф. Д. Батюшкова по Санкт-Петербургскому Университету, изложивших свои взгляды на задачу переводчика также в рецензиях на переводы, представленные на соискание премии А. С. Пушкина – профессора римской словесности И. В. Помяловского (1845-1906) [39], академика Александра Николаевича Веселовского (1838-1906) [21], приват-доцента П. И. Вейнберга (1831-1908) [19, 20], а также профессора Московского университета Алексея Николаевича Веселовского (1843-1918), брата Александра Николаевича Веселовского [22]. Если к этим отзывам добавить более поздние отзывы о различных переводах, принадлежащие перу московских профессоров Н. И. Стороженко (1839-1906), А. И. Кирпичникова (1845-1903), академика Петербургской Академии наук Ф. Е. Корша (1843-1915), младшего современника Ф. Д. Батюшкова – приват-доцента, а впоследствии профессора Санкт-Петербургского университета Д. К. Петрова (1872 – 1925) (см. отчеты о присуждении Пушкинских премий в Сборниках ОРЯС – т. 52 (1891), т. 54 (1893), т. 58 (1895), т. 66 (1900), т. 75 (1903), т. 81 (1906)), то можно сказать, что отзывы о присуждении Пушкинских премий явились школой формирующегося университетского и – шире – академического переводоведения в России.

Присуждение Пушкинских премий за перевод было крупным событием в культурной жизни дореволюционной России. К рецензированию привлекались известные ученые, специалисты по творчеству переводимых классиков зарубежной литературы.

На долю Ф. Д. Батюшкова как одного из старейших сотрудников редколлегии издательства «Всемирная литература» выпала в дальнейшем благородная культуртрегерская задача – обеспечить преемственность взглядов на художественный перевод старой петербургской и московской университетской филологической школы и петербургско-ленинградской школы перевода, представленной в следующем поколении именами К. И. Чуковского (1882-1969), Н. С. Гумилева (1886-1921), М. Л. Лозинского (1886-1955), А. А. Смирнова (1883-1962) и многих других писателей, переводчиков и ученых. В основе этих взглядов – теория филологически адекватного перевода, восходящая еще к гуманистической критике перевода Библии в эпоху Возрождения. Отнюдь не случайно наиболее ярко эта точка зрения на филологически точный перевод (переводчик поэзии должен быть не только талантливым поэтом, но и ученым-филологом) была выражена еще в 1884 г. профессором римской словесности И. В. Помяловским, в его рецензии на значительное событие в культурной жизни России – новый перевод Горация, осуществленный А. А. Фетом (Шеншиным) [39].

III.2. В отзыве о переводе В. С. Лихачевым комедии Мольера «Школа жен», который Ф. Д. Батюшков составил для «Отчета о шестом присужде-

нии Пушкинских премий в 1890 году», ученый выступил против «напрасного», по его словам, «педантизма» предыдущего переводчика «Школы жен» Д. Д. Минаева, передавшего двенадцатисложный размер стиха подлинника «тяжеловатым шестистопным ямбом», принеся тем самым в жертву «более существенные условия хорошего перевода – правильность и непринужденность речи» [6, С.83-84].

Перевод Д. Д. Минаева, который даже «неверно озаглавил пьесу «школою женщин», в то время как «речь в ней именно о женах, а не о женщинах вообще» [6, С.83], получил суровую оценку Ф. Д. Батюшкова. Так, анализируя перевод Д. Д. Минаевым сцены знакомства Агнесы с Орасом (действие II, сцена 2), Ф. Д. Батюшков замечает: «Уже не говоря об отсутствии точности в переводе, здесь столько вставлено лишних слов в угоду стихам и размеру, так тяжел стиль и тон изложения, что Мольеровского в этом рассказе весьма мало остается» [6, С.86].

По мнению рецензента, «свободный, басенный размер», избранный В. С. Лихачевым в его новом переводе «Школы жен» Мольера «гораздо лучше подходит к содержанию пьесы в русской передаче» [6, С.83] и больше соответствует непринужденности разговорной речи, в то время как перевод Д. Д. Минаева «лишен всякой художественности выполнения и слишком далек от оригинала по отсутствию живости и правдивости стиля и характера речей» [6, С.86-87].

Гораздо важнее сохранения размера подлинника было необходимо, как считал Ф. Д. Батюшков, удержать «веселый и игривый тон» пьесы, «передать грациозную наивность речей Агнесы, язвительный и задорный характер первоначальных речей Арнольфа, затем его раздражение и постепенно усиливающуюся страсть к Агнесе по мере того, как эта овечка ускользает из его рук; нужно было оттенить спокойно-выдержанный характер речей резонера Кризальда и вульгаризмы жаргона деревенской прислуги, которую Арнольф приставил к девушке, взятой им на воспитание» [6, С.83].

В своей поздней статье «Задачи художественного перевода» Ф. Д. Батюшков обобщит эти конкретные замечания в виде требований «наивозможно близкого воспроизведения стиля» и «сохранения особенностей языка автора», а также «соблюдения внешней эмоциональности художественной речи» [40, С.11-12]. В рецензии Ф. Д. Батюшкова на перевод В. С. Лихачевым «Школы жен» Мольера чувствуется влияние более раннего отзыва о переводе В. С. Лихачевым «Гартюфа» Мольера, написанного известным русским специалистом по Мольеру Алексеем Николаевичем Веселовским [22].

III. 3. К вопросу соблюдения размера подлинника Ф. Д. Батюшков возвращается и в своем отзыве о стихотворном переводе комедии Мольера «Мизантроп», выполненным размером подлинника Л. И. Поливановым.

Этот отзыв был написан Ф. Д. Батюшковым по поручению Академии наук в связи с девятым присуждением Пушкинских премий в 1893 году [7].

Ф. Д. Батюшков начинает свой отзыв с общих требований к художественному переводу, которые заключаются не только в точной передаче смысла (первое требование к переводу), но и в том, чтобы «впечатление перевода было однородным с тем, которое в данной среде производит оригинальный текст» [7, С.77-78]. Традиционный тезис об однородности впечатления от оригинала и перевода весьма характерен для петербургской филологической школы. Например, учитель Ф. Д. Батюшкова академик А. Н. Веселовский так формулировал этот принцип в 1886 г., анализируя перевод С. А. Юрьевым (1821-1888) «Макбета» Шекспира: «Недостаточно овладеть языком Шекспира, проникнуться духом его произведения, восчувствовать его поэтические красоты: надо уметь бороться с ним, похитить у него тайну впечатления, которое он производит: перевод должен его воспроизвести. Он может быть близок к букве подлинника, может быть красив с точки зрения стихотворной; но не достигнет цели без той борьбы, без завладения тайной. В чем она состоит – это дело настолько же изучения, насколько поэтического переживания в душе переводчика-художника» [21, С.33].

Та же мысль в более прозаической и деловой манере была высказана приват-доцентом П. И. Вейнбергом: «Обязанность хорошего переводчика – стараться произвести на читателей своих такое же впечатление, какое производит подлинник, дать об этом последнем полное, или, в тех случаях, когда это, по условиям языка, оказывается невозможным, приблизительно полное понятие относительно мысли, тона, всех частных подробностей, каковы выражения, эпитеты и т. п.» [19, С.37].

Перевод традиционно сравнивается Ф. Д. Батюшковым с более или менее удачной копией оригинальной картины, язык оригинала и перевода – с красками, а переводчик – с копировальщиком картины, от которого «требуется особая чуткость к тонам красок, способность подбирать оттенки и переливы цветов» [7, С.77]. Добросовестность переводчика и близость перевода к подлиннику в передаче смысла и стихотворного размера не являются для Батюшкова достаточными критериями художественности перевода. Главное для Батюшкова в переводе «Мизантропа» Мольера – другое: «Но если не терять из виду текст Мольера, если искать в переводе [Льва Поливанова] той же яркости красок, меткости выражений, неприужденности поэтической речи, то придется заметить, что г. переводчик не всегда находит на своей палитре соответствующие краски, чтобы воссоздать картину со всеми ее оттенками» [7, С.97].

В своей поздней статье «Задачи художественных переводов» Ф. Д. Батюшков снова вернется к традиционному сравнению переводчика с художником: «В крайнем случае, переводчик подобен портретисту» [40,

С.14]. При этом ученый выдвигает «безусловное требование подчинения индивидуальности переводчика автору переводимого произведения», поскольку «перевод должен быть адекватен подлиннику» [38, С.9], «принцип настоящего художественного перевода – один: стремление к адекватности. Условия его достижения различны» [40, С.12]. В другой посмертной статье «Язык и стиль», опубликованной в том же сборнике 1920 г. Ф. Д. Батюшков высоко оценивает умение переводчика передавать индивидуальные особенности автора оригинального произведения: «Воссоздание на своем языке чужого стиля есть обогащение и своей литературы новым вкладом, и, в то же время, показатель должного уважения к индивидуальности писателя» [40, С.23].

В отзыве о переводе П. И. Вейнбергом драмы Шиллера «Пикколомини», представленном на соискание Пушкинской премии в 1903 г., Батюшков решительно высказывается против того, чтобы считать образцом перевода исключительные «случаи конгениального творчества на заимствованный сюжет, при вольном к нему отношении»: «К тому же мы полагаем, что и для таких исключений – пора миновала, при нашем современном отношении к продуктам художественного творчества даже иностранных писателей, которых мы хотим знать, каковы они были на самом деле, со всеми свойствами и особенностями их художественной индивидуальности» [15, С.58].

В своем отзыве 1893 г. о переводе мольеровского «Мизантропа» Л. И. Поливановым Ф. Д. Батюшков справедливо отмечает, что для однородности впечатления от перевода и оригинала требуется воспроизведение переводчиком «многообразных оттенков речи» и «особенностей стиля» оригинального произведения. «Как достичь такого результата?» – спрашивает ученый и дает на свой вопрос ответ, который перекликается с приведенным выше высказыванием учителя Ф. Д. Батюшкова – академика А. Н. Веселовского о тайне впечатления от оригинала, которую должен похитить переводчик. И хотя академик А. Н. Веселовский более известен своими скорее позитивистскими взглядами, ответ его ученика был весьма характерен для определенной части интеллигенции того времени, сочувствовавшей идеям мистицизма, агностицизма, кантианства и неокантианства: «Это тайна творчества, так как «художественный перевод есть также один из видов словесного творчества, – творчество виртуоза, вдохновляемого чужим замыслом» [7, С.77-78]⁶⁷. Агностические мотивы звучат и в положении позднего Батюшкова, которое имело для него силу аксиомы: «никакой, даже самый совершенный, перевод не может вполне заменить чтение художественного произведения в подлиннике» [40, С.10]. Однако тут же Батюшков признает и культурно-просветительское значение переводов: «лучше пользоваться хорошим переводом, чем читать произведение иностранной литературы в подлиннике, при несовершенном знании чужого языка» [40, С.11].

В рецензии 1903 г. на перевод П. И. Вейнбергом драмы Шиллера «Пикколомини» Батюшков намечает следующие этапы в развитии читателя переводов художественной литературы: 1) первое общее ознакомление с памятниками иностранной литературы, при котором могут быть пригодны для самой невзыскательной публики переделки оригинала, передающие якобы лишь его «дух»; 2) потребность в настоящих переводах с сохранением «индивидуальности автора в особенностях его стиля»; 3) и, наконец, «Быть может третьим и последним шагом все же явится желание прочесть произведение в подлиннике, ибо, конечно, абсолютное совершенство в художественном переводе недостижимо. Однако, на наш взгляд, даже неполное приближение к недостижимому, в абсолютном смысле, лучше и значительнее легкого достижения, при отказе от правильного отношения к делу. Настоящий перевод должен быть прежде всего переводом, а не переложением. – Этому давно бы пора стать truизмом» [15, С.57].

Один из самых простых способов, по мнению Ф. Д. Батюшкова, «вызвать у читателя перевода впечатление, однородное с тем, которое производит оригинал, – это соблюдение размера подлинника. Способ этот несколько внешнего характера и не всегда достаточен сам по себе, чтобы служить гарантией успеха» [7, С.78]. Кроме того, «шестистопный ямб [...], которому у нас присвоили наименование александрийского стиха, есть, как известно, лишь условная передача подлинного размера», так как «законы тонического размера» «чужды французской просодии» [7, С.81]. Не настаивая на обязательном сохранении размера подлинника при переводе пьес Мольера, Батюшков полагал, что «по крайней мере для двух его комедий – «Мизантропа» и «Les femmes savantes» желателен правильный, несколько протяжный стих, который находился бы в соответствии со стилем данных произведений».

«Конечно, – замечал Ф. Д. Батюшков, – в салонах XVII века не разговаривали александрийскими стихами, но этот правильный, певучий размер как нельзя лучше соответствует тону изысканного, упорядоченного общества, в котором на все были свои правила, свои законы, свой этикет» [7, С.96].

И тем не менее, сравнивая новый перевод «Мизантропа», выполненный Л. И. Поливановым, который обосновал необходимость сохранения размера подлинника в интересном предисловии «От переводчика» [38], Ф. Д. Батюшков отдавал предпочтение более раннему переводу В. С. Курочкина, который отступил от размера подлинника, но стихи которого, как считал Батюшков, при всех отступлениях Курочкина от подлинника, излишних прибавках «от себя», при нарушении «исторического колорита памятника», «в общем лучше стихов г. Поливанова; в них больше художественной отделки, больше непринужденности и рифмы разнообразнее и

богаче» [7, С.92, 96]. А именно богатство и непринужденность рифм Мольера составляют общепризнанное достоинство его драматической поэзии. По мнению Батюшкова, рифмы в переводе Поливанова однообразны, «треть стихов заканчиваются глагольными формами с однозвучными суффиксами, повторяющимися в близком соседстве» [7, С.83].

Как указывал Ф. Д. Батюшков в другом своем отзыве, написанном им в связи с одиннадцатым присуждением премии имени А. С. Пушкина в 1895 году и посвященном разбору перевода «Федры» Расина, осуществленного также Львом Поливановым, главными преимуществами перевода г. Поливановым Мольерова «Мизантропа» представляются «его крайняя добросовестность, близость подлиннику и правильный, литературный язык, при соблюдении размера оригинального текста. В то же время нельзя было не отметить и некоторой бесцветности перевода, посредственных стихов, скудости рифм и т. п.» [9, С.98].

III. 3. Те же самые замечания были высказаны Ф. Д. Батюшковым и по поводу перевода Л. Поливановым «Федры» Расина. Отмечая с похвалой попытку Поливанова «приблизиться к простоте и естественности выражений, при соблюдении размера подлинника и довольно близкой передаче содержания» [9, С.116], Батюшков считал, что «оригинальный текст несколько обесцвечен в передаче» на русский язык и что «стихи господина Л. Поливанова не могут соперничать с мелодичными, «точеными» стихами Расина» [9, С.116]. В этом своем мнении Батюшков согласен с оценкой стихов Поливанова, данной в 1893 г. московским профессором Н. И. Стороженко по поводу перевода Л. И. Поливановым трагедии Расина «Гофолия», представленного на соискание 8-ой Пушкинской премии [43, С. 12].

Кроме того, наряду «с несколько бесцветными, заурядными стихами», некоторой «небрежностью и неясностью слога, которых нет в подлиннике» [9, С, 111], Поливанов, как и его предшественники, полагает Ф. Д. Батюшков, «порою также сбивается на псевдо-классический стиль» [9, С.108]. Однако, «в общем, – заключает Батюшков, -- язык г. Поливанова правильный, литературный, слог без особой напыщенности, столь несвойственной Расину, вопреки утвердившемуся у нас мнению», перевод не лишен достоинств, «которые, быть может, помогут рассеять заблуждение, столь распространенное у нас в обществе, о псевдо-классицизме истого французского классика Расина» [9, С.116]. Замечание Ф. Д. Батюшкова о классицизме, а не о псевдоклассицизме Расина содержит в себе скрытую полемику с Н. И. Стороженко, который считал трагедии Расина образцами «ложно-классической» трагедии [43, С.2].

Общим недостатком большинства прежних переводов «Федры», от которых выгодно отличается перевод Поливанова, Батюшков считал «крайнее несовершенство языка, напыщенный слог, насильственные кон-

струкции, целый ряд устаревших выражений, словом, все атрибуты нашего «псевдо-классицизма», которые не мало повредили репутации французских классиков в России» [9, С.102].

III. 4. В рецензии Ф. Д. Батюшкова на сборник «Стихотворений» 1897 г. Ольги Николаевны Чюминой, представленный на соискание Пушкинской премии в 1899 г. и состоявший на две трети из переводов иностранных поэтов, содержатся наиболее важные для ученого-филолога требования к хорошему переводу, которые он не уставал повторять во всех своих критических отзывах – сохранить в переводе «особый характер» писателя, «дать почувствовать его стиль, его индивидуальность, воспроизвести не букву, а общий смысл и образность его языка» [14, С.91]. По мнению Батюшкова, «для этого у таланта г-жи Чюминой не хватило гибкости. Лучше удались ей два, три поэта, которые ей больше сродни: – небольшая поэма из Альфреда де Виньи [«Гнев Самсона» – С. В.], некоторые стихотворения Виктора Гюго, Тениссона, поэма Жака Рамо, некоторые вещи Ришпэна, отчасти Коппэ и др.; неудачно большинство из переводов произведений Лонгфелло, Теофиля Готье, Леконт-де-Лиля и даже Сюлли Прюдома и др.» [14, С.91].

Как видим, переводчице удаются лишь те поэты, «которые ей больше сродни». «Нельзя всех переводить», – писал Батюшков, – [...] в букете отдельные цветы утратили свою оригинальность; они приняли одноформенный характер» [14, С.143], это не действительные переводы, «зачастую это лишь [...] переложения или как бы пересказы «своими словами», в которых не чувствуется стиль автора [14, С.82].

III. 5. В отзывах, опубликованных Ф. Д. Батюшковым в журнале «Мир божий» в 1901 г., уже после ухода ученого из университета, по поводу нового перевода О. Н. Чюминой «Божественной комедии» Данте (Санкт-Петербург, 1900) и переводов из «Цветов зла» Бодлера во втором томе «Стихотворений» П. Я. [Петра Филипповича Якубовича] (Санкт-Петербург, 1901), рецензент исходит при анализе переводов из анализа особенностей содержания и формы оригинальных произведений. Этот подход в высшей степени характерен и для всех других критических статей Ф. Д. Батюшкова по поводу переводов. Причем и здесь проблема верной передачи содержания, особенностей стиля подлинника и производимого им эмоционального впечатления является для Батюшкова порою более важной, чем формальные особенности оригинала.

Так, главный упрек, который Батюшков делает О. Н. Чюминой, заключается в том, что в «угоду рифм ей не раз приходится прибегать к парафразам, ослабляя сжатый, энергичный стиль Данте. В вопросе, что лучше рифмы или стиль, мы отдали бы предпочтение второму» [11, С.96], – замечает Батюшков. Того же мнения о переводе Данте О. Н. Чюминой был преемник Ф. Д. Батюшкова по кафедре истории западноевропейских лите-

ратур приват-доцент, впоследствии профессор и заведующий кафедрой, Д. К. Петров, также написавший отзыв об этом переводе «Божественной комедии», представленном на соискание Пушкинской премии в 1905 г.: «Вместо сжатого, лапидарного стиля Данте у г-жи Чюминой очень вялые, растянутые стихи» [37, С.62]. Но, в отличие от Д. К. Петрова, который считал, что несоблюдение переводчицей размера подлинника, передача ею терцин Данте «с их строго замкнутым и железным построением» пяти и шестистопным (в Рае) ямбом, рифмованным без определенного порядка, «до известной степени уменьшает достоинство перевода г-жи Чюминой, особенно если припомнить превосходный перевод Мина, где сохранен размер подлинника» [37, С.62], Ф. Д. Батюшков был более снисходителен к тому, что О. Н. Чюмина отступила в своем переводе от формы терцин, и полагал, что перевод белыми стихами, вроде образцового немецкого перевода Филалета (Иоганна I Саксонского), дает больше гарантий приближения к «подлинному» Данте [11, С.96].

В статье «Бодлер и его русский переводчик» [12] и в статье «Еще несколько слов о Бодлере и его русском переводчике (Ответ г-ну П. Я.)» [13] Ф. Д. Батюшков путем пронизательного анализа поэзии Бодлера убедительно доказывает, что, несмотря на то, что «стих г. П. Я. [Петра Якубовича] не лишен гибкости и порою изящества», сам перевод представляет собой «систематическое, хотя, верим, и произвольное переименование французского поэта, который является перед русским читателем не таким, каков он есть на самом деле» [12, С.16].

III. 6. В рецензии 1909 г. Ф. Д. Батюшков снова возвращается к оценке уже новых стихотворных переводов О. Н. Чюминой – трагедии Леконт де Лиля «Эриннии» и драмы Ф. Коппе «Северо-Торелли», представленных на соискание 18-х Пушкинских премий и получивших как всегда лишь почетный отзыв 2-го отделения Академии наук. И опять Батюшков не совсем удовлетворен переводом Леконт де Лиля, «который в русской передаче тусклее и банальнее». В переводе Чюминой «сглажены блески индивидуального стиля французского поэта», «нет яркости конкретной обрисовки образов под кистью Леконт-де-Лиля» [16, С.85-86]. Более родственной таланту Чюминой Ф. Коппе ей и больше удался: «Русский текст передает почти слово за словом французский оригинал, словно сам собой укладываясь в стихотворную форму» [16, С.87]. Но и здесь Батюшков не удержался от снисходительного критического замечания: «Пропущены, правда, совы (*deux ou trois hiboux*), но ведь художественный перевод не есть подстрочник» [16, С.88]. Хотя «художественный перевод не есть подстрочник», по словам Батюшкова, но в этой рецензии, как и во многих других, обращает на себя внимание практикуемый Батюшковым прием сравнения стихотворного перевода именно с прозаическим подстрочником, который тем самым является мерилем точности перевода.

Подведем некоторые итоги. Нам представляется особенно важной мысль Ф. Д. Батюшкова о необходимости понимания переводчиком отличий «своего и чужого» [40, С.8]. Вообще говоря, осмысление диалектики своего и чужого при переводе является, на наш взгляд, и по сей день насущной задачей философии перевода.

Исходя из понимания переводчиками этих отличий, Ф. Д. Батюшков выделяет три принципа или три подхода к переводу: 1) приспособление перевода к «своему вкусу», возведение неточностей перевода в принцип «в том случае, когда переводчик принадлежал к народности, стоявшей или мнившей себя выше в художественном развитии другого народа, у которого заимствовался подлинник»; 2) «рабская зависимость перевода от языка подлинника», «когда в литературном отношении народность переводчика стоит ниже той, с языка которой исполняется перевод»; 3) стремление «при одинаковой степени духовного развития двух народов» адекватно, соответствующими средствами своего языка передать не только смысл, но и форму оригинала [40, С.7-9].

Интересно замечание Ф. Д. Батюшкова о том, что первый и второй подход часто переплетаются друг с другом: «Мало развитой, а в особенности мало образованный человек с трудом отличает свое от чужого, поэтому склонен подвести знак уравнения под различными по существу формами мышления, образами, понятиями. От него ускользают все оттенки различия. Если он не просто копирует чужой подлинник, то он принимается его приспособлять, переиначивать по своему, приурочивать к своему миропониманию» [40, С.10].

На понимании отличий своего и чужого основана также предложенная Батюшковым четырехступенчатая система стилей, не имеющая ничего общего с риторической концепцией 3-х стилей (простой, высокий и средний). Вслед за Бюффеном, Ф. Д. Батюшковым сначала выделяется для каждого языка «определенная норма правильной речи, устанавливающая его стиль, и этой норме должны подчиняться отдельные писатели» [40, С.18]. Развивая идеи Ф. Д. Батюшкова, мы отнесли бы сегодня этот уровень языковой нормы к ведению лингвистики. Три других же уровня, которые выделяет Ф. Д. Батюшков: 1) различие стилей по родам литературы (стиль эпистолярный, повествовательный, эпический, драматический, лирический и т. д.), 2) различие стилей по литературным направлениям (стиль романтический, прециозный, бытовой и т. п.) и, наконец, 3) самый важный для перевода – стиль писателя с его отличительными чертами «в приемах изложения», окрашенными его индивидуальностью [40, С.16], должны, разумеется, исследоваться не только лингвистикой, но и историей и теорией литературы. Эти для нас и для Ф. Д. Батюшкова очевидные вещи, к сожалению, до сих пор не всегда учитываются в теории, практике и критике перевода.

Многие идеи Ф. Д. Батюшкова относительно перевода художественной литературы получили дальнейшее и разнообразное (часто противоположное) развитие в трудах отечественных теоретиков и практиков художественного перевода. Например, концепция «воссоздающего перевода» Михаила Лозинского [33, С.160] или теория адекватного перевода, развиваемая в работах А. В. Федорова; критика формализма при переводе; понимание зависимости перевода от исторической эпохи с его особой эстетикой перевода и от степени развития литературного языка; внимание к проблеме индивидуального стиля и исторического колорита подлинника, – все эти теоретические положения и подходы восходят в той или иной мере к концепции перевода, представленной уже в статьях Ф. Д. Батюшкова.

Отрадно видеть, что в последнее время к Ф. Д. Батюшкову снова возрождается интерес [17]. Хорошо бы издать целиком рукопись воспоминаний Ф. Д. Батюшкова «Около талантов» и полностью вернуть его имя в культурную память постсоветской России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Алексеева И. С.* Введение в переводоведение. Учебное пособие. СПб., Филологический факультет СПбГУ – Москва, Академия, 2004.
2. *Бальзак О. де.* Крестьяне. Предисловие Ф. Д. Батюшкова. Петербург, Всемирная литература, 1920.
3. *Батюшков Ф. Д.* Личное дело студента Императорского С.-Петербургского Университета Федора Дмитриевича Батюшкова. Начато 21 апреля 1876 г. // ЦГИА. Фонд 14, опись 3, дело № 18853, № связи 1242.
4. *Батюшков Ф. Д.* Дело «О допущении кандидата Федора Батюшкова к испытанию на степень магистра по истории всеобщей литературы». Начато в 1884 г. // ЦГИА. Фонд 14, опись 1, дело № 8564.
5. *Батюшков Ф. Д.* Curriculum vitae 1887 г. // Рукописный отдел ИРЛИ. Фонд 20 (архив Ф. Д. Батюшкова), № 15702.
6. *Батюшков Ф. Д.* Комедия Мольера «Школа жен», в переводе В. С. Лихачева. Разбор *Ф. Д. Батюшкова* // Шестое присуждение Пушкинских премий. Приложение к LXVI-му тому Записок Императорской Академии наук, №2. СПб., типография Императорской Академии Наук, 1891. С. 77-101.
7. *Батюшков Ф. Д.* «Мизантроп», комедия Мольера. Перевод с французского размером подлинника Л. Поливанова (*Разбор Ф. Д. Батюшкова*) // Сборник ОРЯС. Т. 58. Девятое присуждение Пушкинских премий. СПб, типография Императорской Академии Наук, 1895. С. 77-98.
8. *Батюшков Ф. Д.* О французском языке и его преподавании в университете. СПб., типография В. С. Балашева, 1895.

9. *Батюшков Ф. Д.* «Федра», трагедия в 5 действиях в стихах Ж. Расина. Перевод в стихах размером подлинника Льва Поливанова. Москва 1895 г. Рецензия, составленная *Ф. Д. Батюшковым*. // Сборник ОРЯС. Т. 64. СПб., типография Императорской Академии Наук, 1896-1899. Отчет об одиннадцатом присуждении премий имени А. С. Пушкина в 1895 году. СПб., типография Императорской Академии Наук, 1896. С. 98-116.

10. *Батюшков Ф. Д.* Автобиографические сведения за 1890-1900 гг. Февраль 1900 г. // Рукописный отдел ИРЛИ. Фонд 20 (архив Ф. Д. Батюшкова), № 15670.

11. *Батюшков Ф. Д.* Новый стихотворный перевод «Божественной Комедии» Данте Алигьери – О. Н. Чуминой, с рисунками Дорэ. Издание А. А. Каспари. СПб., типография журнала «Родина» // Мир Божий: ежемесячный литературный и научно-популярный журнал для самообразования. СПб., июль 1901, №7. С. 92-96.

12. *Батюшков Ф. Д.* Бодлер и его русский переводчик. П. Я. Стихотворения, т. II, (1898-1901). СПб., 1901 // Мир Божий, 1901, № 8. С. 11-19.

13. *Батюшков Ф. Д.* Еще несколько слов о Бодлере и его русском переводчике (Ответ г-ну П. Я.) // Мир Божий, 1901, № 10. С. 8-15.

14. *Батюшков Ф. Д.* О. Н. Чюмина (Михайлова): Стихотворения (1892-1897). Рецензия Ф. Д. Батюшкова // Сборник ОРЯС. Т. 73. Тринадцатое присуждение премий имени А. С. Пушкина. СПб., типография Императорской Академии Наук, 1903. С. 82-144.

15. *Батюшков Ф. Д.* Перевод П. И. Вейнберга драмы Шиллера – «Пикколомини» [...] // Сборник ОРЯС. Т. 78. СПб., 1904-1905. Пятнадцатое присуждение премий А. С. Пушкина 1903 года. СПб., типография Императорской Академии Наук, 1904. С. 46-58.

16. *Батюшков Ф. Д.* О. Н. Чуминой: а) «Эриннии», античная трагедия (в стихах) Леконта де-Лиля, б) драма: «Северо-Торелли» в 5 действиях (в стихах) Франсуа Коппе [...] Рецензия Ф. Д. Батюшкова // Сборник ОРЯС. Т. 89. СПб., 1911-1912. 18-ое присуждение премий имени А. С. Пушкина 1909 года. СПб., типография Императорской Академии Наук, 1911. С. 84-89.

17. *Батюшков Ф. Д.* Из неизданной книги Ф. Д. Батюшкова «Около талантов» (публикация П. П. Ширмакова): 1) Вечер у Л. Н. Толстого // Русская литература, № 4, 1963. С. 214-221; 2) Стихийный талант: (А. И. Куприн) // К. Н. Батюшков, Ф. Д. Батюшков, А. И. Куприн: Материалы Всерос. науч. конф. в Устюжне о жизни и творчестве Батюшковых и Куприна. Вологда, 1968, с. 125 – 149; Из неизданной книги Ф. Д. Батюшкова «Около талантов» (публикация П. Р. Заборова): 1) В семье Майковых // Русская литература, №3, 2000. С. 177-193; Владимир Сергеевич Соловьев // Русская литература, №2, 2002. С. 185-197; 2) «Интеллигентская душа» (Всеволод

Михайлович Гаршин) // Русская литература, №1, 2003. С. 142-147; 3) На банкете в Болонье с Кардуччи // Эткиндовские чтения. СПб., Европ. Ун-т в СПб, 2003. С. 115-124; 4) Две встречи с Чеховым // Русская литература, №3, 2004. С. 169-174; 5) Александр Николаевич Веселовский // Русская литература, №4, 2006. С. 62-91;

18. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского Университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869-1894. СПб., типография и литография Б. М. Вольфа, 1896.

19. *Вейнберг П. И.* Трагедии Шекспира: «Антоний и Клеопатра» и «Ричард II» в переводах Д. Л. Михаловского. Разбор *П. И. Вейнберга* // Шестое присуждение Пушкинских премий. Приложение к LXVI-му тому Записок Императорской Академии наук, №2. СПб, типография Императорской Академии Наук, 1891. С. 36-76.

20. *Вейнберг П. И.* Дон-Жуан. Поэма Байрона. Перевод П. А. Козлова. С.-Пб. 1889 // Журнал Министерства Народного Просвещения. Часть CCLXIV. Август. 1889. С. 437-451.

21. *Веселовский А. Н.* Перевод в стихах трагедии «Макбет», сделанный в Москве С. А. Юрьевым. Разбор академика А. Н. Веселовского // Отчет о третьем присуждении Пушкинских премий. Приложение к LIV-му тому Записок Императорской Академии Наук, №2. СПб, типография Императорской Академии Наук, 1886. С. 32-52.

22. *Веселовский А. Н.* Тартюф. Комедия Мольера. Перевод в стихах В. С. Лихачева. СПб. 1887 (Разбор *Алексея Н. Веселовского*) // Четвертое присуждение Пушкинских премий. Приложение к LIX-му тому Записок Императорской Академии Наук. №3. С. 53-72.

23. *Власов С. В.* К истории преподавания французского языка и литературы в Санкт-Петербургском университете: лектор Ж. Флери (1872-1894) // Материалы XXXV Международной филологической конференции. Выпуск 4. Французские чтения. СПб., Филологический факультет, 2006. С. 3-15.

24. *Волконский С. М.* Мои воспоминания. В 2-х томах. Т. 2. М., Искусство, 1992 [1923-1924].

25. *Вольтер Ф. М.* Белый бык. Под редакцией и с предисловием Ф. Д. Батюшкова. Петербург, Всемирная литература, 1919.

26. *Вольтер Ф. М.* Кандид. Под редакцией, с предисловием и примечаниями Ф. Д. Батюшкова. Петербург, Всемирная литература, 1919.

27. *Вольтер Ф. М.* Повести. Под редакцией и с предисловием Ф. Д. Батюшкова. О добром брамине. Простяк. Колен и Жано. Петербург, Всемирная литература, 1919.

28. *Вольтер Ф. М.* Принцесса Вавилонская. Под редакцией и с предисловием Ф. Д. Батюшкова. Петербург, Всемирная литература, 1920.

29. *Голубева О. Д.* Горький – издатель. М., Книга, 1968.

30. *Каталог издательства «Всемирная литература»* при Народном Комиссариате по просвещению. Вступительная статья *М. Горького*. Петербург, Всемирная литература, 1919.

31. *Кошелев В. А.* Батюшковы // Устюжна: историко-литературный альманах. Вологда, 1993. Вып. 2. С. 62-71.

32. *Лесаж А. Р.* Избранные сочинения. Т. 1. Хромой бес. Тюркаре. Со вступительными статьями и примеч. Ф. Д. Батюшкова и В. П. Острогорского. Петербург, Всемирная литература, 1920.

33. *Лозинский М. Л.* Искусство стихотворного перевода // Дружба народов. Москва, 1955, №7-июль. С. 158-166.

34. *Новый энциклопедический словарь*. СПб., Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, [1911-1916]. Т. 5. Столб. 425-426.

35. *Обозрение преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете*. СПб., 1885-1900.

36. *Ольденбург С. Ф.* Федор Дмитриевич Батюшков. In memoriam. + 19 марта 1920 года» // *Принципы художественного перевода*. Статьи Ф. Д. Батюшкова, Н. Гумилева, К. Чуковского. Второе издание, дополненное. Петербург, Государственное издательство «Всемирная литература», 1920. С. 3-6.

37. *Петров Д. К.* Данте Алигьери «Божественная Комедия», в новом стихотворном переводе О. Н. Чюминой. Изд. А. А. Каспари (СПб., 1900-1902 гг., 6 выпусков). – Рецензия Д. К. Петрова // *Сборник ОРЯС*. Т. 81. 16-ое присуждение премий А. С. Пушкина 1905 года. СПб., типография Императорской Академии Наук, 1906. С. 56-74.

38. *Поливанов Л. И.* От переводчика // *Мольер Ж.-Б.* Мизантроп, комедия Мольера, в 5-то действиях, в стихах. (1666). Перевод с французского размером подлинника Льва Поливанова. Москва, типография М. Г. Волчанинова, 1893. С. 1-4.

39. *Помяловский И. В.* Критический разбор экстраординарного профессора С.-Петербургского университета по римской словесности *И. В. Помяловского*: К. Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. Фета. Москва 1883 // Отчет о присуждении Пушкинской премии в 1884 году. СПб., типография Императорской Академии Наук, 1884. С. 2-62.

40. *Принципы художественного перевода*. Статьи Ф. Д. Батюшкова, Н. Гумилева, К. Чуковского. Второе издание, дополненное. Петербург, Государственное издательство «Всемирная литература», 1920.

41. *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета*. СПб., 1870-1917.

42. С.-ПБ Высшие женские курсы за 25 лет. 1878-1903. Очерки и материалы. СПб., Комитет Общества для доставления средств Высшим Женским Курсам в С.-Петербурге. 1903.

43. *Стороженко Н. И.* «Гофолия» (Athalie), трагедия Расина, перевод с французского размером подлинника Льва Поливанова. Москва 1892. Разбор проф. Н. И. Стороженка // Сборник ОРЯС. Т. 54. 8-е присуждение Пушкинских премий. СПб., типография Императорской Академии Наук, 1893. С. 2-19.

44. *Федоров А. В.* Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы). М., Высшая школа, 1983.

45. *Чуковский К. И.* Дневник (1901-1929). М., Современный писатель, 1997.

46. *Шомракова И. А.* «Книгоиздательство «Всемирная литература» (1918-1924)» // Книга. Исследования и материалы. Сборник XIV. М., Книга, 1967. С. 175-193.